

Р. Хансен-Кокоруш

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ Е.К. РАЗИН и С. ГАЙЕР)**

В свете общих современных стратегий и направлений перевода (ориентация на исходный язык, на текст и культуру оригинала, и на язык перевода и культурный контекст переводящего языка) автор статьи проводит сравнительный анализ переводов романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (глава «У Тихона») на немецкий язык, выполненных Е.К. Разин и С. Гайер. Сопоставление ведется на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Е.К. Разин, С. Гайер, роман «Бесы», перевод, эквивалентность.

Общие стратегии и направления перевода

В теории перевода большое и важное место занимает вопрос об эквивалентности, находящий отражение в многочисленных категориях. М. Снел-Хорнби (Snell-Hornby, 1998) в своем учебнике научного и практического перевода, в котором она обрисовывает новое направление в изучении перевода, устанавливает 58 групп эквивалентности, тем самым показывая, что термин «эквивалентность» из-за «инфляции» употребления потерял методическую целесообразность и аналитическую содержательность. В практическом изучении перевода художественного текста аспект эквивалентности часто сводится к описанию языковых структур и лингвистических проблем. При этом игнорируется вопрос, который является ключевым с точки зрения исторически-описательного (дескриптивного) подхода: каким поэтическим и переводческим стратегиям соответствуют разные языковые решения? Очевидно, что художественный перевод имеет целью не только семантическую, лексическую и синтаксическую точность, как это внушает требование эквивалентности. Что касается реализации художественных приемов, необходимо различать два основных направления, которые уже давно признаны в теории перевода: ориентацию на исходный язык, на текст и культуру оригинала как первый принцип, и на язык перевода, а значит, на культурный контекст переводящего языка как второй. Между этими двумя принципами могут существовать огромные

различия, вызывающие такие же большие различия в восприятии литературного произведения, а также творчества писателя в целом. Кроме того, восприятие может осложняться и другими расхождениями между языками и культурами, например стилистического и коммуникативного характера. Примером здесь могут служить произведения Ф.М. Достоевского, которые часто и по-разному переводились на немецкий язык. В данной статье мы рассмотрим немецкие переводы романа «Бесы», опубликованного в «Русском вестнике» в 1871/72 г., в частности главу «У Тихона», которая редко входила в русские издания этого романа. В художественном смысле глава демонстрирует столкновение самых разных стилистических уровней и поэтических приемов.

Краткий обзор переводов Достоевского на немецкий язык

Произведения Достоевского переводились на немецкий язык начиная с 80-х гг. XIX в. Здесь необходимо перечислить следующие имена: Хуберт Путце (Hubert Putze), который перевел роман «Бесы» в первый раз (Dresden: Minden-Verlag, 1888), Э.К. Разин (E.K. Rahsin или Elisabeth Kaerrick¹. München: Piper-Verlag, 1906), чье полностью переработанное издание вышло в 1961 г., Герман Рёhl (Hermann Röhl. Leipzig: Insel-Verlag, 1921), Вера Хиршфельд (Vera Hirschfeld. Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft, 1927), Вальдемар Йоллос (Waldemar Jollos. Zürich: Artemis; Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft, 1955), Гюнтер Далиц (Günter Dalitz. Berlin u.a.: Aufbau-Verlag, 1985), Марианне Кегель (Marianne Kegel. München: Winkler-Verlag; Stuttgart: Deutsche Buchgemeinschaft, 1977), Светлана Гайер (Swetlana Geier. Zürich: Amman-Verlag, 1998). Кроме того, литературовед и переводчик Александр Элиасберг (Alexander Eliasberg) уже в 1922 г. отдельно опубликовал три главы романа под заглавием «Исповедь Ставрогина» («Die Beichte Stawrogins». München: Musarion-Verlag, 1922).

История перевода этого романа оказалась очень сложной и часто связанной с культурной, издательской и даже политической историей XX в. Здесь нами выбраны два перевода, которые сыграли значительную роль в истории перевода Достоевского на немецкий язык: переводы Е.К. Разин [2] и С. Гайер [3]. Перевод Разин оказал наибо-

¹ Кто скрывался за этим псевдонимом, стало одной из самых сокровенных тайн немецкого издательства (см. [1. 22]).

лее сильное влияние на восприятие произведения в XX в. и был связан с издательством «Пипер», благодаря которому широкая немецкоязычная публика впервые познакомилась с Достоевским. Это издание почти до конца XX в. являлось одним из самых распространенных, несмотря на то, что сам перевод часто подвергался критике за искажения оригинала. В 1960 г. издательство «Пипер» опубликовало произведения Достоевского тиражом более 20 000 экземпляров, опасаясь мощной конкуренции издательств, представляющих публике другие немецкие переводы Достоевского¹. Перевод Гайер, напротив, стал результатом критики перевода Разин, он резко отличался от прежних переводов именно своей ориентацией на оригинал, в частности наиболее точным воссозданием его стиля. За блестящее осуществление именно этой цели Светлане Гайер в 2007 г. была присуждена премия Лейпцигской книжной ярмарки за переводческие достижения. Переводы Разин и Гайер служат примерами реализации обозначенных выше противоположных переводческих стратегий. Напомним: первая ориентирована на переводящий язык, а вторая – на исходный язык.

Сравнение переводов Е.К. Разин и С. Гайер

Скажем несколько слов об обеих переводчицах и об истории этих переводов. Немка Элизабет («Лисс») Керик (1886–1966) родилась и училась в Прибалтике. Сначала она совсем не являлась поклонницей Достоевского, скорее, наоборот, роман «Бесы» вызывал у нее что-то вроде антипатии, так как в нем для нее не нашлось почти ни одного хорошего персонажа. В 1905 г. она переселилась к сестре в Париж, которая стала второй женой Артура Мёллер ван ден Брука (Arthur Möller van den Bruck), авантюриста, друга и компаньона мюнхенского издателя Рейнхарда Пипера. Благодаря его контактам с Д. Мережковским, З. Гиппиус и Д. Философовым Лисс Керик вошла в этот круг. Пипер решил издавать серию больших романов Достоевского, которые в большинстве своем и перевела Лисс Керик под псевдонимом «Э.К. Разин». Перевод «Бесов», вышедший в 1906 г., не был результатом исключительно ее работы, но работы в составе

¹ Более подробно об этом писали Garstka [4. 75], которого прежде всего интересует роль Артура Мёллер-Брука, и Kogut [5]. Работа Когут представляет собой сравнение разных немецких переводов романа «Бесы» Достоевского, в связи с чем дается обзор истории этих переводов, но перевод главы «У Тихона» отдельно не анализируется.

целой группы, т. е. коллективного перевода. По ее словам, вопросы перевода романа обсуждались в салоне Мережковского, а Мёллер ван ден Брук, который сам не владел русским языком, исправлял ее немецкий и выравнивал в переводе синтаксис. Как Разин отметила позже, в 1952 г., она хорошо понимала, что язык Достоевского не претендует на гармоничность, так как писатель выражается небрежно и, выпуская важные члены предложения, создает эллиптические и часто крайне неясные предложения, а перевод этого не передает: «В результате “сглаживания” были утеряны некоторые слова <...>. Язык “Идиота” также был подвержен “сглаживанию”. Поэтому многое в нем читается очень гладко. Но у Достоевского нет никакой гладкописи! Сравнивая теперь, предложение за предложением, перевод с оригиналом, нахожу места, где в переводе стилистически умело соединено и передано примерно то же, что у Достоевского выражено отрывочно и стилистически шероховато (или тому подобно...); и здесь возникает проблема: оставлять гладкопись так, как есть, поправляя ее только в отдельных местах, или все *основательно* переработать?»¹

После Второй мировой войны Разин значительно переработала и дополнила свои переводы Достоевского, но особенно главу «У Тихона» в романе «Бесы», начало которой в первом переводе присутствовало лишь частично. Переработанные переводы Разин сформировали основу для немецкоязычной рецепции Достоевского, но «гладкость» этих переводов критиковалась и после их переработки (см.: [4. 72–74]).

Принципы хорошего перевода Достоевского Разин в 1927 г. объясняет своему издателю Пипер в письме, которое хранится в национальном архиве немецкой литературы в Марбахе. По ее словам, хороший переводчик Достоевского должен быть: во-первых, химиком, который находит подходящие слова; во-вторых, инженером, который берет на себя реконструкцию предложений; в-третьих, художником, который создает аранжировку «действия», обращает внима-

¹ Письмо, датированное 20 марта 1952 г., из Немецкого литературного архива в Марбахе, цитируется по: [1. 26]: «So ist beim „Bügeln“ manches Wort unter den Tisch gefallen [...]. Am „Idiot“ ist inzwischen sprachlich „gebügelt“ worden. So liest sich vieles sehr glatt. Aber glatt ist ja Dostojewski keineswegs! Ich stoße nun – beim Vergleich Satz für Satz mit dem Original – auf Stellen, die stilistisch geschickt zusammengefaßt ungefähr dasselbe sagen, was Dostoj. Viel weniger geschickt stottert (oder so ungefähr...), und damit ist das Problem da: das „glatte“ so lassen und nur stellenweise zurechtrücken? – oder alles gründlich überholen?»

ние на оттенок звука, ритм и т.д. и, в-четвертых, критиком, знатоком немецкого языка, способным судить, какие смелые решения/новшества подходят, а какие уже недопустимы¹.

Светлана Гайер (1923–2010)², по происхождению русская, родилась и училась на Украине. После Второй мировой войны она переселилась с матерью в Германию, где получила стипендию и продолжила учебу. Она работала преподавателем русского языка в университетах Карлсруе и Фрайбурга, что давало ей возможность переводить художественную литературу, не испытывая материальных проблем. Достоевский и новый перевод его произведений оказались делом ее жизни. Ее подход к художественному тексту определялся звучанием, так как она стремилась приблизить немецкий перевод к звучанию и синтаксису русского оригинала, для этого она читала вслух и диктовала свой перевод, вслушиваясь в акустическую реализацию текста. Вырабатывая свои принципы художественного перевода, она отстранилась от существующих переводческих решений, но без острой критики. «Не существует хороших переводов, существуют только новые», – сказала Светлана Гайер в интервью³.

Чтобы увидеть, в чем разница между этими переводами, мы возьмем в качестве примера главу «У Тихона», которая содержит не только устную речь героя, но и публикацию его брошюры «От Ставрогина», о которой повествователь замечает, что она полна многочисленных орфографических ошибок и других неожиданных «неправильностей». М. Когут замечает, что стиль Ставрогина свидетельствует о его моральном крушении и о внутренней растерзанности, что наиболее ярко выражено именно в исповеди и его прощальном письме Дарье [5. 114].

Рассмотрим несколько примеров:

¹ «Zusagen hätte ich höchstens: Zu einer Übersetzung Dostojewskis gehört 1) ein Chemiker, der die entsprechenden Worte findet, 2) ein Ingenieur, der das Rekonstruieren der Sätze übernimmt, 3) ein Künstler, der die ‚Wirkung‘ arrangiert, Klangfarbe, Rhythmus beachtet usw. und dann noch 4) ein Kritiker, ein Kenner der deutschen Sprache, der zu beurteilen vermag, welche Gewagtheiten/Neubildungen noch und welche nicht mehr zulässig sind». (Nachlass Kaerrick, Deutsches Literaturarchiv Marbach. Цит. по: [1. 24]).

² О ее жизни и переводах вышло много статей в газетах и журналах, а также снят фильм *Die Frau mit den 5 Elefanten*. Vadim Jendrejko. Kino-Dokumentarfilm, Mirafilm und Filmtank mit ZDF/3sat, SF, 2009, 93 Min.

³ «Es gibt keine guten, es gibt nur neue Übersetzungen» [6].

Достоевский	Разин	Гайер
1) юродство	Gottesnarren	«Jurodstwo» + примечание
2) бухарский ковер	Bucharateppich	Buchara
3) иконами	Heiligenbilder	Ikonen
4) последней войны	des letzten Deutsch-Französischen Krieges	des letzten Krieges + примечание

На **лексическом уровне** можно установить, что Разин и Гайер пытаются найти немецкие эквиваленты словам и выражениям оригинала различными путями. Разин прибегает к объяснениям непосредственно в тексте романа, а Гайер, стремясь не нарушать звучание оригинала, чаще дает довольно обширные объяснения в примечаниях. В некоторых случаях ее эквиваленты (как слово «Ikonen» в третьем примере) звучат в духе современного немецкого языка, в других создаются приемом транскрипции (если немецкого слова просто не существует, как в случае со словом «Jurodstwo» в первом примере) или несут особую стилистическую окраску (например, устаревшее «Kontor» вместо современного «Büro» у Разин). Общей установкой Гайер является перевод без объяснений в тексте, что в целом затрудняет восприятие текста немецким читателем. В комментарии же Гайер объясняет только те термины или обстоятельства, без которых осложнено понимание общего контекста. Так, во втором примере Гайер избегает пояснений, а Разин даёт точный перевод, калькируя лексическую структуру исходного словосочетания (Bucharateppich). Но что касается семантики, то Гайер ее сохраняет, так как «Buchara» в немецком языке означает, во-первых, город, а во-вторых, тип оригинального ковра определенных образцов и цветов. «Bucharateppich» – точный перевод с русского, но в немецком языке данное слово все же является оксюмороном.

Тенденцию к более обширным объяснениям в переводе Разин можно увидеть в четвертом примере, где она уточняет для немецкого читателя, о какой именно войне идет речь. Гайер удерживается от такого комментария в тексте, перемещая его в примечания. Таким образом, подходы двух переводчиц очевидно различаются именно тогда, когда речь идет о словах и понятиях в русском языке, для которых нет соответствий в немецком. Используемые ими стратегии перевода таких слов противоположны: Разин ориентируется на язык

перевода, позволяя себе разного рода отступления от оригинала, перевод Гайер ориентирован на исходный текст.

Эта же тенденция очевидна и в выборе переводчицами иностранных слов в случае, когда между ними нет семантических различий. Гайер отдает предпочтение более близкому по звучанию варианту, связанному с общей этимологией слова в русском и немецком языках:

Достоевский	Разин	Гайер
5) ересь	Ketzerei	Häresie
6) коридор	Gang	Korridor
7) для интриги	für mein Abenteuer	für eine Intrige

Новый перевод романа «Бесы» Светланы Гайер лексически более точен и передает даже тонкие оттенки значения. Это касается точности в передаче временных форм глагола, которые выражают именно момент настоящего времени (см. ниже пример 8), лексического вида глагола (Aktionsart), как, например, обозначения начала действия (ниже пример 9), стиля (очень успешно передается в примере 10), или исправлений неточностей перевода Разин, одну из которых находим в примере 11. Гайер указывает приблизительное количество лет, что соответствует оригиналу, а не точное, как это было в переводе Разин. В целом можно говорить о том, что в переводе Гайер встречаются и просто более удачные решения (в примере 12 Гайер замечательно удается воссоздать одновременно семантику и лексический вид глагола, а кроме этого, подобрать более современный немецкий эквивалент), и исправления переводческих ошибок Разин (примеры 13, 14 даны ниже).

Однако справедливо будет отметить, что новый перевод романа, который получил очень высокую оценку, не во всех случаях точнее перевода Разин. Иногда предложенные Гайер решения трудно назвать удачными (примеры 15 и 16). Так, перевод слова «поп» в примере 15 осложняется тесной взаимосвязью лексических и коммуникативных аспектов. Своим переводом («Pfaffen») Гайер вызывает у читателя представление о нижних санах католического духовенства, а никак не русского православного, что в этом контексте выглядит по крайней мере странно. Разин, наоборот, выбрала эквивалент «Ро-ре», не отступая от русского культурного контекста. В немецком

языке существуют оба слова, но кроме семантического оттенка они различаются и стилистически, так как уже со времен Лютера «Pfaffe» имеет пренебрежительное значение. Рассматриваемое восклищение в речевом акте имеет функцию жалобы, что передает немецкая конструкция «Oh, diese + множественное число», поэтому, на наш взгляд, самое лучшее решение было бы «Oh, diese Popen!».

Достоевский	Разин	Гайер
8) вижу	ich sehe	ich ... jetzt sehe
9) замолк	schwieg	verstumte
10) родительница	Mutter	Frau Mutter
11) года четыре назад	vor vier Jahren	vor etwa vier Jahren
12) брякнул	warf ... die Frage hin	entfuhr es
13) о... пустяках	Narrenpossen	Bagatellen
14) об этой идее	Vermutung	Idee
15) о поп!	Oh, Pope!	Oh, diese Pfaffen!
16) не постыдился	schämte sich nicht	scheute sich nicht

Переводы Разин и Гайер также очень различаются на **синтаксическом уровне**. Разин часто приводит порядок слов в соответствие с нейтральной нормой немецкого языка, лишая тем самым предложения стилистической окраски, особенно экспрессивности, и не выделяет подчеркнутые слова. Этим она нивелирует стилистические особенности текста романа, выравнивая свойственную ему шероховатость. Первое предложение главы «У Тихона» очень явно демонстрирует эту тенденцию: в то время как Разин разбивает предложение на три, Гайер сохраняет его целостность, изменяя русскую причастную конструкцию на придаточное предложение в немецком. В результате предложение в переводе звучит немного неловко, но соответствует оригинальному тексту (пример 17):

Д.: Николай Всеволодович в эту ночь не спал и всю просидел на диване, часто устремляя неподвижный взор в одну точку в углу у комода.

Р: In dieser Nacht schlief Stawrogin nicht. Er saß die ganze Nacht auf dem Sofa. Oft warsein starrender Blick auf einen Punkt in der Ecke bei der Kommode gerichtet.

Г: Nikolaj Wsewolodowitsch schlief in dieser Nacht nicht und saß die ganze Zeit auf dem Sofa, wobei er den starren Blick häufig auf einen Punkt in der Ecke neben der Kommode richtete.

Кроме этого, переводы Разин и Гайер различаются еще в двух очень значительных аспектах. Во-первых, Разин исправляет оригинальный текст в переводе, делает его «лучше», принципиально не воссоздает повторы, рассматривая их как стилистические «ошибки», выпускает слова, которые кажутся ей бесполезными в одних местах, и в то же время добавляет слова, отсутствующие в оригинале, – в других. Следуя этой установке, она изменяет текст настолько, что даже пропускает имена, заменяя их местоимениями («он» вместо Страврогин) или заменяя имя и отчество фамилией (см. пример 17: «Страврогин» вместо «Николай Всеволодович»). Очевидно, что такое переводческое вмешательство, а точнее, вторжение в поэтику текста оригинала просто недопустимо. Там, где Разин адаптирует сам текст, его стилистическую и поэтическую необычность (чуждость, странность), «облегчая» понимание романа для немецкого читателя, Гайер, следуя оригиналу, в своем переводе очень последовательно возвращает тексту его стилистическую и поэтическую окраску.

Еще один важный аспект сравнения переводов Разин и Гайер касается ориентации текста на разговорную речь. Как известно, она, в отличие от письменной речи, имеет другой порядок слов, ей не свойственны риторические фигуры, но она характеризуется частым использованием восклицаний, междометий, частиц. Благодаря этому живая речь получает свою окраску, а также достоверность. Именно в этом рассматриваемые переводы значительно различаются: перевод Разин оказывается неестественным, а в переводе Гайер ощущается именно живость разговорного языка, например благодаря сохранению неправильного порядка слов в главных предложениях (примеры 18 и 19):

Достоевский	Разин	Гайер
18) Никогда я не говорил о том никому	Ich habe mit niemandem darüber gesprochen	Niemals habe ich darüber zu jemand gesprochen
19) зачем я пришел	wozu ich hergekommen bin	wozu bin ich hergekommen
20) ба!	Aber wie!	Und überhaupt!

Перевод Светланы Гайер не только точнее и ближе к оригиналу, как уже отмечалось, он также исправляет ошибки перевода Разин. Более того, близость выражается и в том, что в своем переводе Гайер передает немецкому читателю и ощущение именно русского текста (т.е. текста другой культуры), оставляя русские слова даже тогда,

когда они непонятны. Здесь мы считаем необходимым опровергнуть одно расхожее заблуждение: новый перевод не всегда является и самым современным в смысле языка, он не всегда облегчает чтение и понимание и далеко не всегда делает текст оригинала более популярным. Это важно отметить, т.к. очень часто новый перевод какого-либо произведения принято связывать именно с тенденцией к модернизации языка. Несмотря на то, что Гайер местами «освежает» немецкий текст, используя современные слова и выражения, прежде всего она возвращает переводу «Бесов» исходную неравномерность, нескладность, смешение разных стилей, языковых слоёв и идеологических голосов. Тем самым она помогает немецкому читателю непосредственно из самого текста романа воспринимать Достоевского как писателя, пролагающего путь в модернизм:

Mit seiner Sprache ist Dostojewskij einer der wichtigsten Wegbereiter der Literatur der Moderne, dessen Wortkunst auf direktem Wege zu Kafka führt. Seine Sprache ist es auch, wie Josef Brodsky überzeugend gezeigt hat, die in ihrer einzigartigen Eigendynamik letztlich immer wieder die ideologischen Beschränktheiten ihres Schöpfers sprengt [7]¹.

Особого внимания заслуживает **заглавие романа**, которое на немецком языке существует в четырех вариантах: «Die Besessenen», «Die Teufel», «Die Dämonen» и «Böse Geister». Так как эта тема уже неоднократно обсуждалась², хотелось бы ограничиться всего одним наблюдением: немецкая публика знает этот роман под третьим заглавием (Разин и др.), а перевод заглавия «Böse Geister» принадлежит не Гайер, как утверждала критика, а русскому эмигранту и переводчику А. Элиасбергу, который уже в 1920-е гг. опубликовал под ним часть романа Достоевского на немецком языке. Можно долго рассуждать о том, что именно представляют собой «бесы» и как их перевести. Но то, что Ставрогин ведет разговор с Тихоном о боге и черте, – в этом нет сомнений. Хильшер очень точно обозначает проблематику этого заглавия, опираясь на цитаты Пушкина, а также из

¹ «Язык Достоевского делает его одним из важнейших новаторов литературы модернизма, искусство слова которого напрямую ведет к Кафке. Как убедительно показал Иосиф Бродский, его язык своей неповторимой собственной динамикой в конце концов каждый раз преодолевает идеологическую ограниченность его творца».

² См. [5. 195–203], где даны ссылки на литературу по этой теме.

Библии, которые Достоевский предпослал эпиграфом к своему роману. Она критически замечает:

Einen Hauptangriffspunkt bietet hier vor allem der Titel des Romans, der sich auf die berühmte Stelle aus dem Lukas-Evangelium von den Teufeln, die aus den besessenen Menschen in die Säue fahren, bezieht, ein Bibel-Zitat, das dem Roman als Motto vorangestellt ist. Aufgrund dieser Bibel-Stelle wäre der russische Titel "Besy" wohl am genauesten mit "Die Teufel" zu übersetzen. Das gebräuchlichste russische Wort für "Teufel" ist jedoch "tschort", und im Text taucht sowohl dieses Wort, wie auch der Begriff "demon" auf. Swetlana Geier hat sich also sicherlich sehr bewußt für die verallgemeinernde Übersetzung "böse Geister" entschieden. Geht es doch in dem Buch nicht nur um die Dämonen der Revolution, sondern um den bösen Geist der gesamten liberalen westlichen Zivilisation, in der nach Dostojewskij wegen ihres Atheismus und Materialismus die eigentlichen Ursachen für alle gesellschaftlichen Katastrophen zu sehen sind. Und es geht um die Abgründe des Bösen im Menschen überhaupt, wie sie in der Gestalt des großen Sünders Stawrogin, dem in seiner kalten Indifferenz die Unterscheidung zwischen Gut und Böse abhanden gekommen ist, demonstriert werden. Wenn dieser nun allerdings in seiner erschreckenden Beichte vor dem Mönch Tichon, in der er sein schlimmstes Verbrechen, die Schändung eines Kindes, gesteht, und dabei von seinen nächtlichen Halluzinationen berichtet, davon, daß ihm "ein böser Geist" erscheint, dann wird Swetlana Geiers Übersetzung zum Fallstrick. Denn natürlich ist es nicht "ein böser Geist", sondern "der Teufel", der Stawrogin besucht [7]¹.

¹ «Главной проблемой здесь представляется прежде всего заглавие романа, которое отсылает нас к известному месту в Евангелии от Луки о чертях, изгнанных из человека и вселившихся в стадо свиней. Эта цитата из Библии становится общим эпиграфом к роману. В связи с этим наиболее точным переводом русского заглавия "Бесы" следовало бы считать немецкое "Teufel". Наиболее употребительным русским словом является "черт", и оно появляется в тексте романа, но кроме него в нем появляется и понятие "демон". Поэтому Светлана Гайер наверняка совершенно осознанно выбрала обобщающий вариант перевода ("böse Geister"). В книге речь идет не только о демонах революции, но и о злом духе всей западной либеральной цивилизации, в атеизме и материализме которой, по мнению Достоевского, кроется главная причина всех потрясений в обществе. Также в ней говорится о бездне зла в человеке в целом, как, например, она показана в образе великого грешника Ставрогина, который из-за совершенного безразличия лишен способности отличать добро от зла. Но в случае, когда Ставрогин в своей ужасающей исповеди сознается в страшнейшем преступлении, совращении ребенка, и рассказывает о ночных видениях, о том, что ему является "злой дух", перевод Светланы Гайер оказывается ловушкой, т.к. к Ставрoгину, конечно, приходит именно "черт", а не "злой дух»».

Заглавие романа содержит в себе отсылки ко многим высказываниям как в тексте произведения, так и вне текста (например, из Библии), что, как показывает долгая практика перевода этого романа, еще ни одному переводчику не удалось передать во всей полноте.

Подводя итоги этого краткого анализа, можно отметить, что Гайер очень успешно удалось приблизить немецкий перевод к исходному тексту. Она сохранила прерывистость текста оригинала, которая характеризует внутренние состояния персонажей и в то же время отражает многочисленные влияния на текст романа самых различных общественных сфер и языковых стилей. В частности, восклицания персонажей в переводе сохранили убедительную непосредственность и порывистость устной речи. Гайер не стремилась в своем переводе исправить текст Достоевского или облегчить его чтение для немецкой публики (что, как нам представляется, стало целью в переводе Разина), но придала ему приблизительное ощущение свежего и полифонического звучания русского оригинала.

Литература

1. *Garstka Christoph*: Dostojewskij im Piper-Verlag. Eine „verlegerische Großtat“ und ihre Hintergründe. In: Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft. Bd. 14. Jahrbuch 2007. Flensburg 2007, 15–29.
2. *Dostojewski F.*: Die Dämonen. Übers. E. Rahsin. 2. Aufl. Zürich: 2008.
3. *Dostojewski F.*: Böse Geister. Übers. S. Geier. Zürich: 1998.
4. *Garstka Christoph*: Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906–1919. Frankfurt a.M., Berlin u.a. 1998. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik B. Literaturwissenschaftliche Reihe, Bd. 9).
5. *Kogut Marina*: Dostoevskij auf Deutsch. Vergleichende Analyse fünf deutscher Übersetzungen des Romans Besy. Frankfurt a.M., Berlin u.a. 2005. (= Heidelberger Publikationen zur Slavistik B. Literaturwissenschaftliche Reihe. Bd. 35).
6. *Schulte Bettina*: Den Wörtern verfallen // Badische Zeitung 9.11.2010.
7. *Dostoevskij F.*: Hielscher, Karla: Böse Geister. Deutschlandfunk 10.02.1999. <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/buechermarkt/165210/> [10.05.2012].